

Советская культура

№ 3
(4127)

Год издания 41-й
ЧЕТВЕРГ,
8 января 1970 года
ЦЕНА 3 коп.

ИДУТ ВСЕСОЮЗНЫЕ СМОТРЫ

ЧЕРТЫ КЛУБНОЙ ЛЕНИНИАНЫ

В ПОСТАНОВЛЕНИИ Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» четвертая развернутая программа деятельности для клубных учреждений нашей страны.

Ленинская тема нашла сегодня широкое отражение в организации лекционных чтений и ленинских университетов, тематических вечеров и других журналах, газетах, поздравлениях, выставках, музеях, концертах, встречах революционных поколений, ленинских музеях, комитатах и уголках, фотографиях, фильмотеках, выставках, художественно-изобразительных средствах, гравюрах и других пособиях. Большую успехом у тружеников сферы культуры пользуются постоянно действующие ленинские киноклубы в Доме культуры.

Уполномоченный Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» использовал материалы «Сборника статистических сведений о Воронежской губернии», составленного в 1887 году статистиком Воронежского земства Ф. А. Шернико. Приводя данные о бюджетах некоторых крестьянских хозяйств Острогожского уезда (тогда в этот уезд входил и нынешний Ростовский район), составитель «Сборника» писал:

«Любовь Лизиновка. Сидор Романович Чирдинич, 56 лет. И отец, и сын с женами из года в год на заработки на Донщину, где находились здесь в баграки. Весной этого года продают лошадь за 15 рублей, корову за 15 рублей и овец за 16 рублей и остается без скота... В следующий год семья стала есть покупный хлеб с сентября, а до того времени начинала с изысками...»

Сейчас в Лизиновке живет пропавший упоминающийся в «Сборнике Сидора Романовича» Алексей Константинович Чирдинич, колхозник. Перед участниками тематического вечера прошла история ряда династии, схожих с историей сотен и тысяч других крестьянских семей России. Чувства и настроения собравшихся облегчили восприятие почетного холдинга Лизиновка И. А. Сокрик. «Почти все, начиная с Чирдинича, оставались нетронутыми, теплыми, заботливыми, и у людей не считали. А все потому, что жили бедно, но имели силу и гнули спину на боязни. А вот у последовавших жизни уж плавая, она ведь не только имя наследует и дом с усадьбой, они власты Советской унаследовали...»

В здании Дома культуры воронежского села Ново-Троицкого собрали интересные материалы и документы о славных земляках — Д. П. Лапшине, бывшем моряке, легендарном крейсером «Адмирал» участнике Зимнего дворца, охранявшем В. И. Ленина на Финляндском вокзале и Петрограде в апреле 1917 года; о старейших сельских коммунистах и первых комсомольцах С. Д. Жабровском, С. Н. Колесниковым, Н. А. Науменко, К. П. Устюзя, Н. Ф. Шапошниковом и других.

Собрание в музее документов свидетельствуют, например, что рожденные сельской комсомольской организацией первым делом связано с имением «Красной РКСМ» — говорится в сохранившейся резолюции этого комитета, — узнаю о смерти товарища Ленина, kleinem посвятить всю свою жизнь продолжению дела Павлова... Шан годам, на смену комсомольцам следующих годов пришли новые поколения, но когда живет, приходит от отцов летом, от детей аукчики.

Культурно-просветительные работники Украины, так же как и их коллеги в Российской Федерации, большое внимание уделяют показу исторических судеб отдельных городов и сел, о которых упоминают в своих статьях, выступлениях, письмах, записках В. И. Ленин. В известном труде «Разлитые капитализма в России» Владимир Ильин, в частности, указывал на тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих в сибирских Красногорской, Одесской, Полтавской и других губерниях. Широкое распространение получили сей час клубные вечера и устные журналы на тему «Ленин и Украина». На страницах устного журнала «Ленин и Черниговщина», который проводится во многих клубах в Домах культуры Черниговской области, рассказывается о тех, кто организовал в далеком предреволюционном городе общеобразовательные учреждения для поддержки газеты «Правда». Долгие годы были созданы и упомянуты трех ходоков Черниговщины, посетивших В. И. Ленина в Кремле. О том, как были установлены имена этих людей, рассказывают на страницах журнала сотрудники областных и районных газет, участвовавшие в поиске. Наконец, специальная страница, озаглавленная «На именах области — Ленин орден», знакомит слушателей с осуществлением ленинских идей на Черниговщине.

Во многих клубных учреждениях страны стали традицией «Ленинские патриоты». Название это родилось не случайно: весной 1918 года В. И. Ленин предложил, чтобы отставшие работники выступали по патриотам перед трудящимися с докладами и беседами. «Ленинские патриоты» способствуют укреплению связей хозяйственных руководителей, представителей общественных организаций с массами, позволяют более активизировать контакты с аудиторией, более учитывать запросы труда.

Большая клубная Лениниана складывается из коллективного опыта тысяч учреждений культуры. Этот опыт подразумевает не единое, единоличное, а систематическое обращение к образу великого лидера, неизменно богатству его наследия.

Л. ТЮТИКОВ,
зам. начальника управления
культурно-просветительных учреждений
Министерства культуры ССРР.

Михаил Ромм: КАДРЫ ИСТОРИИ

Двадцать лет назад была впервые показана документальная картина, в которой ее авторы М. Ромм и Е. Славинская собрали воедино все известные к тому времени кадры съемок Ленина.

Сегодня на экраны страны вышла новая редакция этого фильма: «Жизнь Ленина». В него вошли несколько кадров, наданных за последние годы. Пост А. Сурков заново отредактировал диалоговый текст.

Наш корреспондент Е. Семенов попросил М. Ромма рассказать об истории работы над этой картиной.

— МНЕ кажется, что моя работа над фильмом началась за много лет до 1970 года.

Еще в то время, когда мы снимали картину «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», нас посыпало предстоящим драгоценным мальчишеским спектаклем ролей киноизображения Ленина. И я, и особенно Ю. Шукса обращались к этим кадрам постоянно. Мы анализали их, изучали и каждый просмотр мы чувствовали выдающуюсяность поставленных кадров, так мало и как добились удачности их качества.

В 1969 году мне посюдомство предложило принять участие в работе над документальной картиной «Дядя Илья Ленин» вместе с режиссером В. Белевским и сценаристом Е. Кондратом. Говорю посюдомство потому что никогда раньше я документальную кино не занималась. Предложение было, конечно,

связано с моими предыдущими художественными картинаами о Ленине.

В этот большой, полнометражный фильм мы решали внести все привычные сцены Ильи, смотреть и анализировать потом Ленина. Началось тщательное изучение материалов. Оказалось, что похорона Ленина сняты очень подробно, мы изучали несколько тысяч метров пленки. А вот хромокадры живого Ленина почти нет. Он не любил сниматься. Да, кроме того, пленки в те годы были чистофильтрованы, было редко ускорено и улучшено качество съемки.

Кстати говоря, эта ускоренность движений на старой пленке, как мне кажется, частично изменила в свое время на ритм, в котором велись Ленина Борис Шухин в первой нашей картине — «Ленин в Октябре».

Мы поставили перед собой задачу использовать все хромокадры, снятое с В. И. Ленином, сделать его доступным для нашего зрителя.

Работа по восстановлению заняла

документальных фильмов приносила в хранилище уникальные срезы старой пленки, которые были берегутся много лет. Это были короткие, по несколько кадровых срезки, которые обычно остаются при монтаже фильма. Все эти драгоценные материалы вошли в наш документальный фильм в 1949 году. А для этого документализировалась только ролик продолжительностью 5—6 минут, осталась находиться в хранилище, но на экран не выходила из-за крайней вязкости пленки, износа, потертыости, а позже из-за частичной порвали перфорации. Длинножижи было редко ускорено и улучшено качеством съемки.

Сколько говоря, эта ускоренность движений на старой пленке, как мне кажется, частично изменила в свое время на ритм, в котором велись Ленина Борис Шухин в первой нашей картине — «Ленин в Октябре».

Мы поставили перед собой задачу использовать все хромокадры, снятое с В. И. Ленином, сделать его доступным для нашего зрителя.

Работа по восстановлению заняла

около полутора.

Это была кропотливая и самот-

ная работа.

Не могу сказать, что после смерти Ленина монтажщики студии

занялись

занялись.

Это было кропотливое и самот-

ная занятие.

После съемки я

занялся

ПО УЛИЦАМ ЛАТИНСКОГО квартала ходили молодой Майоля с друзьями, юными художниками. Все они старались посетить где-нибудь школу изящных искусств, но французские это звучит «Эcole de Beaux-Arts». Они неколебимо стоят на улице Бонапарта, только если вы сейчас подадите по этому улице, то вас обгонят кеки-то не то юноши, не то девушки. У них у всех волосы до плеч, почти не видно глаз за чешуйками, у всех узкие брюки и джемперы, иной раз, только обогнав их, обернувшись, вы увидите, что лицо без усов с сильно подведенными глазами. И все они с пальцами и щипками непременно могут разинуть из автоматов на станциях метро. Иногда на них раззываются длинные черные плащи, застегнутые на цепочки с золотыми львиными головками, кажутся, что они выходят из театрального реквизита.

МУЗЫ МАЙОЛЯ

Наталья
КОНЧАЛОВСКАЯ

А ведь в таких плащах ходили студенты «Эcole de Beaux-Arts» во времена Майоля, и он сам поселился тут же здесь, в первые, чуть не в погребе, где продукты, которые присыпали ему родные из Баньоса, за три дня покрылись плесенью, как пишет об этом подруга Диана Бирен, журналистка Юдифи Клодель. Из погреба он переселился на чердак некого-то крохотного отеля на улице Бонапарта. Рядом жила для него другая, тоже студентка — будущая Ахилла Лоне...

Я иду по улице Бонапарта и сую, что Юдифи Клодель не уезжала из дома, где жил Майоль. Все дома здесь старые и все свидетели жизни будущих знаменитостей. В каком из них жил Майоль и будильник?

По записям Юдифи Клодель очень хорошо представляла себе юности художников, ставших впоследствии гордостью нации, Майоля недолго жил на улице Бонапарта. Вместе с Ахиллом Лоне они сняли квартиру на Северной улице в синагогном доме, как раз напротив магазина «О бен марш». Время от времени Майоль получал из Баньоса корзину с проездами. Тут были метры наперевес домашней колбасы, свиные, фрукты. И начинялись дни кухни. К Майолю и Лоне присоединились друзья из школы, и Майоль приготовлял вкуснейшие блюда по рецептам тетушки. И Майоль так рассказывал: «Мы писали тогда патоморты, главным образом яблоки. Никогда не видел живописи Сезанна, и написал больше яблок, чем Сезанн. Это было первым яблоко».

Я снова выхожу на улицу Святых отцов и по неё добираюсь до Сефарской, до громадного магазина «О бен марш», скрывающего этажами зеркальные витрины. Из несколько больших домов против магазина. В каждом из них жил Майоль. Все дома тесно прикрутили один к другому, на всех есть мансарды с небольшими окошками. Из какого окна мог смотреть Майоль на это море соблазнов? На этот роскошный магазин, где не мог ничего купить в те годы нищенского, годового существования...

Есть слово «плактисты», которое часто повторяют скульпторы. Это слово многогранно, в слышу его, устах одного из крупульных хип-хупов — Бишонского, когда при накладывании пластики после операции он говорит: «Дайте другим яблоки, вы мы пластикой испортите». А балерины совершенствуются в пластике движений, и тут вы эту пластину ощущаете неотрывно от эмоциональной передачи и от технического мастерства. А мизансцены обычно не любят цветовых фильмов, для них цвет быть же в пластике, которая достигается мазками. Для них цвет клиентов не передает этого пластики.

Вальдемар Жорж пишет о последней работе Майоля — статуе «Гармонии» так: «Мастер внес в неё всю свою любовь к жизни, все свои страсти и все свои земли». Майоль воссоздал ее в чувстве проходящей пластики, которой он до этого времени не передает.

И мы понимаем, что в свою 83-ю годину Майоль был настолько молод и силен, что все еще продолжал совершенствоваться, и руки его не теряли ощущения объема, ограниченного самим собой, и формы продолжали по его собственному выражению, «заполнять падью руки, и глаз не изменял ему в чувстве пластики».

Гармония — это звучание. И Майоль искал гармонию, объединяющую в своих образах природу в целом. «Природа», — говорил Майоль другу своему Пьеру Камо, — не что иное, как гармония, и я являюсь выражителем того или иного ее состояния. Как яблока дает яблока. Я не претендую на поиск того, что находится вне природы, как яблока нечего хватать, что она изображена яблока».

Окончание. Начало в № 2.

Вот где рождается творчество Майоля, вот где душа его скульптуры: «Я не претендую на поиск того, что находится вне природы. Вот почему его тема одиночества, это всегда обнаженная женская фигура, и эту женщину — землю, природу, начало всех начал — Майоль не заставляет раскрывать свою сущность внешними пропалексами, он ищет и находит внутреннее выражение. И, создав изображение, он придает душу формам, в системе восприятия любого жизненного явления он делает, как видел и чувствует. Он подходит к решению монумента, отбросив все внешние предположения. Все исходит от его единения, его восторженности и вдохновения и должно было представить собой высшую точку выражения гармонии и красоты. Но прекрасный памятник Полю Сезанну в виде возлежащей на драпированном ложе обнаженной женщины с умом приноситься».

Легко минуть. Рисунки карандашом, углем, Майоль очень много рисовал с натуры, и потому даже в рисунках его чувствуется, что он пользовался объемом, воспринимаемым не сущим, и видимо, поэтому часто отступал от анатомических правил. Я видела в коллекции Дианы Бирен рисунки Майоля очень больших размеров. Они смотрятся уже совсем не как рисунки, и изумительно пол и жирность штриха они блеск в скульптурному изображению.

И своею скульптура, и всегда живое тело, воспроизведенное в гравюре и одухотворенность полых и широких изображениями художника, что, по выражению Вальдемара Жоржа, Майоль мог бы сказать о себе тем: «Я работал там, словно никогда ничего не существовало, и в suchem именему, создавая скульптуру».

«Средиземное море» — так называется статуя крепкой молодой женщины, в задумчивости сидящей под деревом, голову левой рукой с легким изгибом. И здесь сказано все: это воплощение покорности стихии, и женского одиночества, и необычайной красоты и здоровья в этом крепком теле молодого существа, с таким изяществом и безгрешным лицом. Эта статуя была первая победой Майоля. Первым признанием его творчества на выставке Осеннего салона в 1905 году.

Прекрасная бронзовая статуэтка «Девушки-живиц» называется «Ночь». Она обхватила руками свой колени и положила на них голову, привязав лицо. Что-то безнадежно тощеское кроется в этой позе. Но мне кажется, что если она поднимет голову и перевинтит положение, то снова станет женщина на берегу Средиземного моря.

Лучше из кудоистических трофеев Барбаза жест и склонение в тонах самых азартных, как Крамер, Бальдер, Ламберт, Ариэль; не ржавцов и ободряющих пальмы молодые скульпторы ГДР.

В 1910 году русский коллекционер Иван Абрамович Морозов прикупил на выставке Салона прекрасную работу Майоля «Помону». К тому же заказывал ему еще три скульптуры: «Лето», «Весна» и «Флора». Все вместе они будут называться «Времена года», и ныне они экспонируются в Музее изобразительных искусств в Москве.

А вот интереснейший снимок 1916 года в Баньосе, в мастерской скульптора, скрытой сквером. Стены и потолок скульптора и позади него — «Помону». К тому же заказывал ему еще три скульптуры: «Лето», «Весна» и «Флора». Все вместе они будут называться «Времена года», и ныне они экспонируются в Музее изобразительных искусств в Москве.

Из Баньоса в Барселону, в мастерскую Майоля подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это деревья, если первыми загоревают синими, а нужно почитательно ждать, пока они сами удостоятся разгорева.

Брака и наложничества предшествовали Майоля всю жизнь. Но были и единомышленники, верные друзья, такие как художники Пьер Боннер и Жан Вийор. Они его обожали, и во многих из произведений изображения теракотовых статуэток

Майоля и Лоне.

В 1899 году Майоль встретил Пинако и подружился с ним. Позднее Майоль подружился с Матиссом и Ренуаром. Но Богом его был Гоген. Впервые Майоль увидел живопись Гогена, когда учился в «Эcole de Beaux-Arts». И тогда он заявил: «Школа вместо того, чтобы открыть ее, освободить скованые за спиной руки. И ничего нет красивее ее мистической, благородной и гордой головы».

Но люди не понимали, как велико и как высоко искусство Майоля, и отказывались понимать его. Хотелось вспомнить слова какого-то немецкого философа, который утверждал, что и великим произведениям искусства нужно относиться, как и высоким особым. Это